

ШКОЛА ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

Школа забытых
фонарей. Письмо без
ответа

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Школа забытых фонарей

Алёна Северина

**Школа забытых фонарей.
Письмо без ответа**

«Автор»

2026

Северина А.

Школа забытых фонарей. Письмо без ответа / А. Северина —
«Автор», 2026 — (Школа забытых фонарей)

Соня Орлова ищет письмо, которое не дошло до адресата много лет назад. В почтовом журнале обнаруживается странная отметка о возврате, а свидетель вспоминает ночную передачу конверта у станции. Чем дальше Соня и Лев Данилов прослеживают путь документа, тем очевиднее: кто-то пользовался чужим молчанием как разрешением. Но свидетельница, способная прояснить дело, согласится говорить только на своих условиях.

Алёна Северина

Школа забытых фонарей.

Письмо без ответа

Глава 1. Наследство или письмо

У нотариуса пахло мокрой шерстью, пылью и кофе, который слишком долго стоял на подогреве. Соня Орлова сняла перчатки и положила их на колени. За окном Серебряная Гавань медленно светлела: рассвет отражался в лужах на набережной, но до окон старого дома на улице Маячной добирался уже выцветшим, будто его успели пропустить через мутное стекло.

— Наследство необычное, — сказал нотариус. — Но оформлено безупречно.

Он подвинул к ней папку. Соня не взяла её сразу.

— Необычное — это описание. Что именно мне оставили?

— Дом и содержимое комнаты на чердаке. Дом, разумеется, с обременением: до окончания инвентаризации распоряжаться им нельзя. Содержимое — по описи. Завещательница, Агата Петровна Вельская, указала вас наследницей лично. Вы были знакомы?

Соня вспомнила женщину с узкими ладонями и внимательными глазами. Они встречались дважды: однажды в архиве, где Соня помогала разобрать бумаги старого училища, и второй раз — в больничном коридоре, возле окна, заклеенного крест-накрест. Агата Петровна тогда спросила, умеет ли Соня отличать просьбу от приказа. Соня ответила, что старается.

— Недостаточно, чтобы назвать её близкой, — сказала она.

— Возможно, именно поэтому она выбрала вас.

Это прозвучало как объяснение, которое ничего не объясняло. Соня открыла папку. Завещание занимало две страницы; приложение — ещё одну. Чердак, шкаф с документами, деревянный ящик без замка. Внизу стояла подпись Агаты Петровны, ровная, немного наклонённая.

— А это? — Соня постучала ногтем по последней строке.

Нотариус наклонился к документу.

— Условие передачи: «Найти письмо без ответа и вернуть его туда, откуда оно было взято». Буквально.

— Кому вернуть?

— Не уточнено.

— Где искать?

— Не уточнено.

— И что будет, если не найду?

Нотариус снял очки и протёр их краем салфетки.

— Условие не связано с правом собственности. Дом переходит вам независимо от того, выполните вы его или нет. Вельская могла оставить поручение. Вы вправе отказаться.

Соня перечитала строчку. «Письмо без ответа» могло быть названием, меткой, чьей-то неудачной шуткой. Но Агата Петровна редко шутила, и никогда — без намерения.

— Ключи у вас?

Нотариус открыл ящик стола. На зелёную папку лёг старый ключ с круглой головкой.

— Лев Данилов уже забрал копию описи.

Соня подняла глаза.

— Кто разрешил?

— Он представил доверенность Вельской на доступ к дому. Действующую. Я предупредил, что наследницей теперь являетесь вы.

— И?

— Он попросил передать вам, что будет ждать у дома.

Соня взяла ключ. Металл оказался холодным, хотя комната была тёплой.

На Маячной ветер гнал вдоль тротуара мелкие обрывки газет. Дом Вельской стоял между мастерской часовщика и давно закрытым магазином рыболовных снастей. В узком палисаднике чернели мокрые стебли гортензий. Лев Данилов ждал у калитки, держа в руке бумажный стакан с кофе. Он был без зонта, и капли блестели на тёмных волосах.

— Ты опоздал, — сказала Соня.

— Я пришёл раньше. Это не одно и то же.

— Копия описи зачем тебе?

— Проверить, что в доме осталось.

— Ты уже проверил?

— Нет.

Соня заметила, как он отвёл взгляд к окну второго этажа. За мутным стеклом не было движения.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что Агата Петровна просила меня не входить одному.

— И ты решил, что после её смерти просьба всё ещё действует?

— Я решил, что не знаю, что она имела в виду. Поэтому подождал тебя.

Ответ был честным, но не полным. Соня убрала ключ в карман.

— У тебя была доверенность. Мог войти.

— Мог.

— И не вошёл.

— Да.

Он не добавил оправдания. Это было к лучшему: Соня не хотела выслушивать рассказ о том, как опасность превращает нарушение чужой воли в благородство.

Внутри дом пах сырой штукатуркой и яблоками. На первом этаже стояла мебель, накрытая простынями. В коридоре Соня включила свет. Лампочка загорелась после короткого треска.

— Что ты знаешь о письме без ответа? — спросила она.

Лев посмотрел на неё.

— О каком письме?

— «Найти письмо без ответа и вернуть его туда, откуда оно было взято». Так написано в условии.

— Я такого названия не слышал.

— Но ты знал, что искать нужно в доме.

— Я знал, что Агата Петровна оставила бумаги, связанные со старым училищем. Она попросила меня не передавать их в архив, пока не появится наследница.

— Почему?

— Не объяснила.

— Ты согласился.

— Да.

— Не спросив, что будет с документами?

— Спросил. Она сказала, что там есть чужие подписи и чужое согласие, которое нельзя считать настоящим.

Соня остановилась у двери в кухню.

— А ты решил, что имеешь право решать, когда их можно показывать.

Лев чуть заметно сжал пальцы на стакане.

— Тогда я решил, что молчание защитит людей.

— И защитило?

— Нет.

Эти два слова остались между ними, тяжелее любого оправдания. Соня открыла кухонный шкаф. На полке лежали пустые банки, а под ними — конверты, перевязанные бечёвкой. На каждом стояла дата. Она не стала их трогать.

Чердачная лестница была складной. Лев потянулся к петле, но остановился, увидев её взгляд.

— Твоя очередь, — сказал он.

Соня опустила лестницу сама.

Чердак был низким и холодным. Пыль лежала тонким слоем на досках, кроме узкой дорожки к дальнему углу. Там стоял деревянный ящик без замка. Рядом — пустая рама от картины, развернутая лицом к стене.

— В описи ящик значился? — спросила Соня.

— Да. Рама — нет.

Внутри ящика лежали два старых фонаря, керосиновая лампа с треснувшим стеклом и жестяная коробка. На крышке коробки сохранился рисунок: пять фонарей, соединённых тонкими линиями. Под ним неровными буквами было выведено: «Школа забытых фонарей».

Соня провела пальцем по слову «Школа». Пыль вокруг него была стёрта.

В коробке лежали ключ, лист бумаги и фотография. На снимке стояли семеро детей в одинаковых тёмных пальто. За их спинами виднелась вывеска, почти выцветшая, но ещё читаемая: «Школа при маячной станции». На обороте чернилами было написано: «Рассвет, первый день. Все согласны».

— Все? — переспросила Соня.

Лев наклонился, не касаясь фотографии.

— Возможно.

— Это не ответ.

— Нет. Не ответ.

Лист оказался короткой описью. «Письмо А. В. к заведующей. Не вскрывать до согласия адресата». Ни адресата, ни даты. Внизу — отметка другим почерком: «Из папки изъято. В шкаф не возвращено».

— Значит, письмо украли? — спросил Лев.

— Пока мы знаем только, что его вынули из папки и не вернули. Не придумывай преступление раньше фактов.

— Привычка.

— Плохая привычка.

Соня положила бумагу на крышку ящика и осмотрела дно. Под тканевой подкладкой проступал прямоугольный след. В ящике хранили что-то размером с школьный журнал или большую книгу. Его не было.

Снизу раздался стук. Не в дверь — в стену, короткий, неровный. Лев шагнул к лестнице. Соня удержала его за рукав.

— Сначала слушаем.

Стук повторился, теперь со стороны коридора. Затем звякнуло стекло.

Они спустились вместе. У входной двери Соня увидела на полу маленький конверт, толкнутый под щель. На нём не было имени. Бумага промокла по краям, но адресная строка сохранилась: «Для того, кто пришёл после Агаты».

В доме напротив распахнулось окно. Пожилая женщина в сером кардигане высунулась наружу.

— Не надо туда ходить, — крикнула она. — Он уже приходил.

— Кто? — спросила Соня, открыв дверь.

Женщина посмотрела на Льва, потом на Соню.

— Мой внук. Матвей. Он нашёл старую ведомость. Сегодня утром его уволили из мастерской. Сказали, что он украл её, хотя он только отнёс бумагу в архив.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Телефон выключен.

Соня посмотрела на конверт в своей руке. Чужое согласие, чужая подпись, пропавшая ведомость. И первая цена уже была предъявлена: Матвей потерял работу, не успев объяснить, что именно нашёл.

— Мы попробуем его найти, — сказала Соня.

— Не обещай того, чего не можешь сделать, — тихо произнёс Лев.

— Я не обещала найти. Я сказала, что попробуем.

Соня вскрыла конверт. Внутри лежал обрывок старой бумаги с единственной строкой: «В списке детей было восемь имён. На фотографии — семь».

Она сложила записку и убрала в карман рядом с ключом. Теперь наследство было не только домом и непонятным поручением. У него появился пострадавший, имя и причина, по которой кто-то не хотел, чтобы бумаги попали в архив.

Соня не стала возвращаться в дом за пальто. Дождь был мелким, почти невидимым, но быстро темнил рукава и собирался холодными каплями на ресницах. Она достала телефон и набрала номер, который успела переписать с записки, прикреплённой к старой ведомости в кабинете нотариуса.

— Архив Серебряной Гавани, слушаю.

— Доброе утро. Меня зовут Соня Орлова. Мне нужно уточнить, поступала ли сегодня к вам ведомость из мастерской на Маячной улице. Возможно, по школе при маячной станции.

На другом конце повисла пауза. Не обычная рабочая заминка, когда человек листает журнал, а осторожное молчание, в котором уже появилось решение, что именно можно сказать.

— Вы родственница Матвея Лукина? — спросила женщина.

Соня посмотрела на Льва. Он стоял под козырьком соседнего дома, придерживая дверь, чтобы она не захлопнулась от ветра. Лицо у него стало жёстким.

— Нет. Но я занимаюсь наследственными документами, связанными с этим делом.

— Тогда вам лучше обратиться официально.

— Я и обращусь. Сейчас хочу только узнать, был ли он у вас.

— Не был.

Соня достала из кармана обрывок бумаги и разгладила его большим пальцем.

— Вы уверены?

— У нас посетители регистрируются.

— Он мог не проходить через главный вход.

— У нас один вход.

— Значит, он не был у вас, — сказала Соня. — Или вы не хотите говорить, что был.

— Девушка, я не обязана обсуждать с вами чужие передвижения.

— Не обязаны. Но если его обвиняют в краже документа, который он пытался передать в архив, а потом он исчез, это уже не только вопрос передвижений.

Женщина вздохнула.

— Он приходил утром. С папкой. Не ведомость, а копия, кажется. Просил заведующую. Ему сказали, что заведующей нет. Тогда он оставил бумаги в приёмной, но через десять минут вернулся и забрал их.

— Кто ему их вернул?

— Никто. Он сам забрал.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я видела.

— А почему сначала сказали, что его не было?

— Потому что он не сдавал документы официально.

Соня почувствовала, как в груди поднимается раздражение, ровное и холодное. Она давно знала эту манеру: отвечать на другой вопрос, пока собеседник не устанет уточнять. Так исчезали не только бумаги, но и ответственность за них.

— Вы видели, что он забрал именно те документы, с которыми пришёл?

— Я видела, что он вышел с папкой.

— Какой?

— Коричневой.

— У Матвея была синяя папка, — тихо сказал Лев.

Женщина на линии слышала его голос.

— Кто там?

— Человек, который может подтвердить цвет папки, — ответила Соня. — А теперь скажите, кто ещё был в приёмной.

— Я уже всё сказала.

— Нет. Вы сказали только о Матвее.

— Там был мужчина. В сером плаще. Он ждал у окна.

— Вы знаете его?

— Нет.

— Матвей разговаривал с ним?

— Нет. Мужчина подошёл к нему сам, когда тот вышел. Они спорили. Потом Матвей ушёл.

— В какую сторону?

— К станции.

— К маячной?

— К старой. Там сейчас ничего нет.

— Для вас, возможно, ничего.

Соня завершила разговор, пока собеседница не успела снова спрятаться за формальностями.

— К станции, — сказал Лев. — От архива туда минут пятнадцать.

— Если идти напрямую. А если Матвей понял, что за ним следят, мог сделать крюк.

— Ты думаешь, он заметил мужчину?

— Думаю, он не настолько беспечен, чтобы после увольнения встречаться с незнакомцем у окна и не запомнить его.

— Ты говоришь так, будто уже знаешь его.

— Я говорю так, будто не считаю человека глупее себя только потому, что он младше.

Лев открыл приложение с картой, но Соня остановила его.

— Нам не нужна карта. Сначала мастерская.

— Зачем?

— Узнать, что именно он нашёл и кто первым назвал это кражей.

К мастерской они добрались лишь поздним вечером, уже в темноте. Последний квартал прошли почти бегом. Маячная улица спускалась к воде, между домами гулял ветер с запахом водорослей и угольного дыма. За низкой оградой стояло приземистое здание с жестяной вывеской: «Реставрация светильников. Стекло. Металл». Окна уже погасли, но в одном боковом проёме горела лампа.

Лев постучал. Через несколько секунд за дверью задвинулся засов.

— Закрыто, — сказал мужской голос.

— Мы по поводу Матвея Лукина, — ответила Соня.

Внутри что-то упало. Не тяжёлое, но металлическое.

— Уходите.

Лев посмотрел на Соню.

— Откройте, — сказала она громче. — Мы не обвиняем вас ни в чём. Нам нужно понять, почему вашего сотрудника уволили.

— Он украл ведомость.

— Вы лично это видели?

Молчание.

— Или вам так сказали?

Засов отодвинулся. На пороге появился худой мужчина лет пятидесяти, с красными от недосыпа глазами. На нём был рабочий фартук, под которым виднелась рубашка с закатанными рукавами. Он сразу посмотрел не на Соню, а на Льва.

— Данилов?

— Да.

— Тогда вам здесь нечего делать.

— Почему?

— Вы из муниципальной проверки.

— Нет.

— А говорите так, будто имеете право входить.

— Мы не входим, — сказала Соня. — Мы стоим снаружи и задаём вопросы.

— Задавайте на улице.

— Хорошо. Кто обнаружил пропажу ведомости?

Мужчина поджал губы.

— Я.

— Когда?

— Вчера вечером.

— Где она хранилась?

— В шкафу.

— Шкаф запирался?

— Да.

— Кто имел ключ?

— Я и Матвей.

— Значит, вы обвинили его, потому что у него был ключ?

— Потому что ведомость исчезла после его смены.

— Это не одно и то же.

— Он сам признался, что брал папку.

— Папку или ведомость?

Мужчина замер.

Соня уловила едва заметное движение его правой руки. Он сжал пальцы, словно хотел удержать ими уже сказанную фразу.

— Папку, — произнёс он наконец.

— Но признался он только в том, что брал папку?

— В папке была ведомость.

— Вы это видели?

— Я знаю, что было в папке.

— А когда Матвей брал папку, вы проверяли, была ли ведомость внутри?

Мужчина отвёл взгляд к мастерской. В глубине, за его плечом, на длинном столе лежали разобранные лампы, стеклянные колпаки и несколько жестяных коробок. На стене висел старый план маячной станции, перечёркнутый красными линиями.

— Матвей взял папку без разрешения, — сказал он. — Этого достаточно.

— Для увольнения, возможно. Для обвинения в краже — нет.

— Вы не понимаете, что это за документы.

— Именно поэтому и спрашиваю.

Он вдруг стал выглядеть не сердитым, а испуганным. Соня заметила это и смягчила голос:

— Где Матвей?

— Не знаю.

— Он говорил, куда пойдёт?

— Нет.

— С кем-нибудь здесь ссорился?

— Нет.

— Вам звонил после увольнения?

— Нет.

Лев шагнул ближе к двери.

— Сотрудница архива видела, как Матвей спорил с мужчиной в сером плаще. Вы знаете, кто это?

Рабочий поднял голову.

— Какой мужчина?

— Вы слышали.

— Я никого не знаю.

— А Матвей?

— Он много кого знает.

— Например, Агату Вельскую? — спросила Соня.

Имя действовало сильнее, чем прямое обвинение. Мужчина побледнел.

На улице коротко свистнул поезд. Где-то у воды ударил колокол, и звук разошёлся над улицей, смешавшись с дождём.

— Кто вам рассказал про Агату? — спросил он.

— Вы не ответили.

— Она работала здесь до меня.

— И была связана со школой при маячной станции?

— Все здесь были с ней связаны, если верить старым бумагам.

— Кто такие «все»?

Мужчина посмотрел на фотографию, которую Соня достала из кармана. Семеро детей в одинаковых пальто. Выцветшая вывеска. Рассвет, первый день. Все согласны.

Он не взял снимок. Только наклонился к нему, будто хотел рассмотреть лица и боялся подойти слишком близко.

— Откуда это у вас?

— Из наследственного дома Агаты.

— Тогда вам нужно уйти.

— Почему?

— Потому что она оставила не только дом.

— Что ещё?

Мужчина закрыл дверь почти перед самым лицом Сони. Лев успел подставить ладонь, и дверь остановилась.

— Не давите, — сказал он.

— Я и не давлю.

— Вы держите дверь.

Соня убрала его руку с косяка.

— Верно. Это уже давление.

Лев посмотрел на неё, потом отступил. Дверь сразу захлопнулась.

Соня несколько секунд стояла под дождём, глядя на потемневшее дерево.

— Он знает, где Матвей, — сказал Лев.

— Возможно.

— И знает про восьмого ребёнка.

— Возможно.

— Ты всё время оставляешь это слово.

— Потому что пока у нас нет доказательств.

— Но есть направление.

— Есть несостыковка. Он сказал, что Матвей украл ведомость. Потом признал, что видел только папку. Это важно, но недостаточно, чтобы обвинить его в подлоге или сокрытии.

Лев помолчал.

— Ты всегда так защищаешь людей, которых не знаешь?

— Нет. Я защищаю границу между фактом и удобной версией.

Он усмехнулся, но без веселья.

— Тогда тебе не понравится то, что я нашёл.

Лев показал экран телефона. Пока Соня разговаривала с мастером, он успел открыть старую карту станции. На ней сохранилась служебная отметка, сделанная ещё до реконструкции берега: «Запасной вход. Сектор рассветных журналов».

— Где это? — спросила Соня.

— Под старой сигнальной башней. Сейчас вход заложен кирпичом.

— Ты уверен?

— Мой отец работал в городской службе. Я видел эти планы.

— И почему ты не сказал сразу?

— Потому что не хотел вести тебя туда без понимания, что мы ищем.

— А теперь понял?

Лев убрал телефон.

— Нет. Но теперь знаю, что Матвей мог пойти именно туда.

Соня снова посмотрела на закрытую мастерскую. За дверью никто не двигался, но свет в окне погас.

— Мы идём к башне, — сказала она.

— Ночью?

— Он потерял работу из-за бумаги, за которую, возможно, даже не отвечал. Если он прячется, ему нужна не лекция о безопасности, а человек, который сначала выслушает.

— А если там тот, кто забрал письмо?

Соня сжала в кармане ключ и записку о восьмом пропавшем имени.

— Тогда мы не станем делать вид, что согласие можно получить страхом. Но и ждать до утра не будем.

Дорога к старой сигнальной башне шла вдоль воды. Дождь уже не лил, но капли цеплялись за воротники и стекали за шиворот, а ветер гнал по набережной солёный холод. Соня держала в кармане ключ и записку о восьмом пропавшем имени. Бумага отсырела по краям; она проверяла её пальцами всякий раз, когда шаги Льва отставали.

У башни не было ни фонарей, ни окон на нижнем ярусе. Кирпичи, которыми заложили служебный проход, отличались от старой кладки: новые, светлее, с ровными швами. Лев посветил телефоном вдоль стены.

— Давно заложили?

— После реконструкции. Лет двенадцать назад, может, больше.

— Ты сам здесь бывал?

— Один раз. С отцом. Мне было семнадцать. Он показывал, как устроены старые сигналы. Я запомнил вход, потому что он сказал: «Здесь даже стены умеют хранить чужие слова».

— Поэтично.

— Он вообще говорил так, будто город всё время за ним подслушивает.

Соня провела ладонью по кирпичам. В середине кладки нашлась металлическая пластина, почти скрытая под слоем краски. На ней проступали две буквы и номер: «РЖ-8». Лев направил свет ближе.

— Сектор рассветных журналов, — сказал он. — Восьмой отсек.

— Или номер ремонтного участка.

— Тоже возможно.

— Хорошо. Не будем строить вывод на двух буквах.

Он ответил коротким кивком. Потом присел у основания стены и начал ощупывать шов. Соня не стала ему помогать: сначала осмотрела землю. В грязи у угла отпечаталась подошва — узкая, с прямоугольным рисунком протектора. След уходил вдоль башни, но обрывался у старой водосточной трубы.

— Кто-то был здесь недавно, — сказала она.

Лев поднялся.

— Матвей?

— Размер обуви по следу не определить. И направление неясно.

— Зато ты уже решила, что это человек.

— На камне след не появляется сам.

Он посмотрел на неё и отвёл свет от стены к трубе. Та уходила вниз, в узкую щель между башней и подпорной стеной. Внизу блеснула металлическая ручка.

— Вот и вход, — сказал Лев.

Щель оказалась достаточно широкой, чтобы пролезть боком. За трубой скрывалась низкая дверца с навесным замком. На замке не было следов взлома. Лев достал связку ключей.

— Откуда они?

— Отец оставил. Большинство от старых служебных шкафов. Я не знаю, какой подойдёт.

— И ты собирался сказать это после того, как открыл?

— Я ещё не открыл.

Он подбирал ключи один за другим, без спешки. На пятом замок щёлкнул. Соня подняла ладонь, останавливая его.

— Подожди. Если там кто-то есть, сначала постучим.

— В подземелье?

— Особенно там.

Она постучала костяшками. Ответа не было. Только глухой шум воды под стеной.

— Мы не знаем, кто внутри, — сказал Лев. — И не знаем, безопасно ли там.

— Значит, проверим до того, как полезем.

Они подождали. Соня прислушалась: за дверью не было ни шагов, ни дыхания. Она включила фонарик на телефоне, приоткрыла дверцу и заглянула внутрь. Каменные ступени спускались в темноту. Пахло мокрой известью и старой бумагой.

— Я пойду первой, — сказал Лев.

— Нет.

— Соня, там может быть Матвей.

— Тогда ему не будет легче оттого, что первым увидит тебя.

— Он меня не знает.

— А меня тоже. Но я хотя бы не собираюсь делать вид, что имею право его задерживать.

Лев стиснул губы, но отступил. Соня спустилась на три ступени и остановилась. Свет выхватил узкий коридор, деревянный короб у стены и дверь с облезлой табличкой «Журнал дежурств». На полу лежали мокрые следы, свежие. Они шли внутрь.

— Матвей? — позвала Соня.

Из глубины донёлся шорох, затем голос:

— Не подходите.

Лев спустился следом, но остановился за её плечом.

— Мы не из полиции, — сказала Соня. — Я Соня Орлова. Лев Данилов со мной.

— Данилов? — Голос стал резче. — Он как раз может идти обратно.

Лев ничего не ответил.

— Я пришла поговорить, — продолжила Соня. — Ты можешь отказаться. Я не стану входить без разрешения.

Тишина растянулась. Где-то капала вода.

— А если за вами кто-то есть?

— Тогда мы тоже можем это выяснить. Но сейчас здесь только мы двое.

— Вы не знаете, что за бумагу ищете.

— Пока нет. Знаю только, что из старого здания пропала ведомость и что тебя обвиняют в её краже.

— Не ведомость пропала, — сказал он. — Письмо.

Лев коротко взглянул на Соню.

— Какое письмо? — спросила она.

— То, которое было в папке. Его никто не должен был видеть.

— Ты его видел?

— Нет. Я услышал, как о нём говорили.

— Кто?

Снова шорох, будто Матвей переступил с ноги на ногу.

— Человек из управления. Сказал, что письмо надо убрать до проверки. Потом появился Данилов и начал спрашивать про папку.

Лев побледнел.

— Я не знал про письмо.

— Ты знал, что там была папка с журналами, — отозвался Матвей. — И сказал им, что я вынес её из архива.

— Я сказал, что видел тебя возле двери.

— Ты сказал, что видел папку у меня.

Лев не стал возражать.

Соня почувствовала, как между ними возникло не просто недоверие, а конкретная цена старых слов. Не та, которую можно было стереть объяснением. Матвей потерял работу, возможно, потому, что Лев позволил чужому предположению прозвучать как факт.

— Лев, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты это подписывал?

— Нет.

— Говорил с комиссией?

— Да.

— Что именно?

— Что видел Матвея у архивной двери с серой папкой. Но я не видел, что внутри. И не видел, как он её выносил.

— Это зафиксировали в протоколе?

— Не знаю. Я не просил копию.

За дверью Матвей сухо рассмеялся.

— Вот так и исчезают люди из списков. Никто не врёт. Просто каждый не дослушал.

Соня повернулась к двери.

— Ты прав. Но сейчас мы можем точно записать, что Лев видел, а чего не видел. Если согласишься, я помогу подать заявление о пересмотре. Это не вернёт тебе работу сегодня и не докажет, кто забрал письмо.

— А если не соглашусь?

— Тогда я уйду. И не передам твоё имя никому без твоего разрешения.

— Даже если письмо связано с теми детьми?

Соня сжала ключ в кармане.

— Тогда я всё равно не могу обещать, что промолчу, если кому-то угрожает непосредственная опасность. Но сначала я должна узнать, что именно происходит. Не выдумать за тебя согласие.

Дверь приоткрылась на ладонь. В щели показалось худое лицо Матвея, на виске темнела свежая ссадина. Он посмотрел сначала на Соню, потом на Льва.

— Я не крал письмо, — сказал он.

— Я услышала.

— А папку унёс. Там был журнал посещений. Я хотел проверить, не вычеркнули ли меня самого.

— Тебя вычеркнули?

Матвей медленно отступил, освобождая проход.

— Не меня. Девочку. Восьмую.

Лев шагнул было вперёд, но остановился, когда Матвей поднял руку.

— Один человек, — сказал тот. — Пусть войдёт Соня. Ты оставайся там.

Лев посмотрел на Соню. Она не стала решать за Матвея.

— Я подожду здесь, — сказал он и положил связку ключей на ступеньку.

Соня вошла одна. В маленькой комнате стоял стол, на нём — раскрытый журнал с вырванным листом. Рядом лежал обычный на вид латунный брелок в форме плоского фонаря. Матвей не сводил с него глаз.

— Это было в папке, — сказал он. — Я взял его, потому что оно звякнуло, когда я нашёл пустое место. Потом понял, что за мной следят.

— Кто?

— Не знаю. Но этот человек хотел забрать брелок. Не журнал. Брелок.

Соня не потянулась к нему.

— Можно посмотреть?

Матвей помедлил, затем подвинул вещь по столу. На обратной стороне фонарика была неглубокая царапина: цифра восемь, перечёркнутая короткой чертой. Соня достала из кармана записку о пропавшем имени, но не развернула.

— Ты знаешь, что означает знак?

— Нет. Но когда я его поднял, услышал за стеной шаги. А потом кто-то закрыл вход снаружи.

В коридоре Лев тихо выругался.

Матвей посмотрел на Соню.

— Если заберёте это, они решат, что я вам всё отдал.

— Я не заберу. И не стану фотографировать без твоего согласия.

— А если они вернутся?

— Тогда мы не будем оставлять тебя здесь одного.

— Это уже решено?

— Нет. Решишь ты. Но сначала покажи, где тот вырванный лист и что на нём осталось.

Матвей указал на край журнала. Под обрывом сохранились несколько строк, написанных чернилами, и дата. Соня прочла дату дважды. На обороте старой фотографии календарного числа не было — только слова «Рассвет, первый день». Связь между снимком и записью ещё предстояло установить.

Она достала телефон.

— Я могу записать только то, что видно на странице. Без твоего имени. Ты согласен?

Матвей долго смотрел на журнал, затем кивнул.

Соня сделала снимок. Когда она убрала телефон, с лестницы донёлся скрип двери. Лев поднял связку ключей, но не пошёл навстречу.

— Кто-то вошёл, — сказал он.

Матвей побледнел.

Соня закрыла журнал и встала между ним и дверью.

— Матвей, ты хочешь остаться здесь или выйти с нами?

Он взглянул на латунный фонарик.

— С вами. Но вещь нести буду я.

— Хорошо.

Они вышли в коридор вместе. Лев стоял у нижней ступени; за ним, у приоткрытой дверцы, никого не было. Только дождевой ветер шевелил мокрую траву.

Матвей поднял фонарик на ладони.

— Теперь они знают, что он у меня.

— Возможно, — сказала Соня. — А мы знаем, что ты не собираешься отдавать его им просто потому, что они потребуют.

Он ничего не ответил, но не спрятал вещь. Лев протянул Матвею связку ключей.

— Я скажу комиссии, что мои слова были точнее, чем я позволил им выглядеть.

Матвей посмотрел на него без благодарности.

— Сначала скажи это там, где поставил подпись.

— Скажу.

— И принеси копию протокола.

Лев кивнул.

Соня первой поднялась на верхнюю площадку. Сквозь щель было видно, что дождь на улице у башни наконец перестал. В небе над водой проступала узкая бледная полоса — ещё не рассвет, но ночь уже теряла свою власть над берегом. На ладони Матвея обычный латунный фонарик тускло блеснул, и он крепче сжал пальцы.

К утру Матвей перестал оглядываться на каждую дверь. Не потому, что успокоился: он просто выбрал лестницу, по которой они спустятся, и теперь следил за ступенями.

Лев шёл впереди, проверяя площадки. Соня держалась рядом с Матвеем, не касаясь его плеча. Фонарик он нёс сам, зажав в кулаке так крепко, что латунный край отпечатался на коже.

Внизу их встретил запах сырого камня и холодного дыма. У входа в башню Лев остановился.

— Я могу проводить тебя до дома, — сказал он Матвею. — Но если не хочешь, не буду настаивать.

— А комиссия?

— Я туда и собирался.

— Тогда сначала комиссия, — отрезал Матвей. — Ты обещал копию протокола.

Лев посмотрел на Соню. Она не стала отвечать за мальчика.

— Хорошо, — сказал он. — Отнесём заявление и запросим копию. Я укажу, что видел журнал и что мои прежние слова были неполными.

— Не «неполными», — сказал Матвей. — Ты сказал, что листа не было.

На лице Льва что-то дрогнуло, но он не отвёл взгляда.

— Да. Сказал.

Матвей кивнул, будто только этого и ждал.

Снаружи ветер гнал по мостовой мокрые листья. Серебряная Гавань просыпалась нехотя: в окнах зажигались лампы, у рыбного рынка уже гремели ящики, а над крышами со стороны воды лежал тусклый рассвет. Соня пошла рядом с Матвеем, оставив Льву несколько шагов пространства.

— Ты правда напишешь, что он был? — спросил Матвей.

— Да.

— Даже если из-за этого тебя отстранят?

Лев не ответил сразу.

— Если подпись останется под ложью, отстранение будет меньшей проблемой.

Матвей хмыкнул. Это не было прощением. Но и спорить он не стал.

У конторы комиссии они оказались раньше, чем открыли двери. Под козырьком пахло мокрой шерстью и кофе из соседней булочной. Лев попросил их подождать и вошёл внутрь один. Соня осталась с Матвеем на ступенях.

— Он не всегда такой, — сказала она, потом сразу пожалела о словах.

— Такой какой?

— Готовый признать ошибку.

— А раньше был?

— Раньше он решил за другого человека, что тот согласен.

Матвей посмотрел на неё внимательнее.

— И что случилось?

Соня не стала отвечать за Льва. Его прошлое не принадлежало ей, даже если она знала часть этой истории.

— Он сам тебе расскажет, если сочтёт нужным.

— А ты считаешь, он должен?

— Считаю, что он должен отвечать за то, что сделал. Но не обязана решать за него, что он расскажет.

Матвей опустил глаза на фонарик.

— Взрослые всё время говорят, что выбор за тобой, а потом уже всё решили.

— Да, — сказала Соня. — Такое бывает.

Она не стала обещать, что с ними будет иначе. Обещание прозвучало бы красиво, но Матвею сейчас нужна была не красота.

Дверь конторы открылась. Лев вышел с листом бумаги в руках. У него было серое лицо, словно он не спал всю ночь, хотя Соня не знала, спал ли он вообще.

— Приняли? — спросил Матвей.

— Заявление зарегистрировали. В копии протокола отказали на месте, но я подал письменный запрос. Номер и отметка здесь.

Он протянул лист Матвею, а не Соне. Мальчик прочёл номер, медленно провёл пальцем по печати и остался держать документ в руках.

— Значит, теперь есть доказательство, что ты просил.

— Есть.

— А если они скажут, что листа не было?

— Тогда придётся объяснить, почему я утверждал обратное.

Лев говорил ровно, но Соня заметила, как он сжал папку. Ему не стало легче от того, что он сделал первый правильный шаг. Так и должно было быть.

Матвей спрятал лист во внутренний карман. Потом достал фонарик и осмотрел царапину.

— Мне домой нельзя, — сказал он. — Там мать. Если они придут, она начнёт спрашивать, где я был, а я не хочу, чтобы ей пришлось выбирать между мной и работой.

— Она знает, что ты уходил? — спросила Соня.

— Знает, что я ночую у тёти. Я не говорил про башню.

— Тогда не будем втягивать её без твоего согласия, — сказала Соня. — Но оставлять тебя одного тоже нельзя.

— Можно мне самому решить, где ночевать?

— Можно. Мы можем найти твою тётю и спросить, согласна ли она принять тебя сегодня. Ты будешь рядом, когда мы ей позвоним. Никаких подробностей без твоего разрешения.

Матвей обдумал это.

— Сначала позвоню я.

— Хорошо.

Лев достал телефон, но не стал набирать номер.

— Тебе нужен мой аппарат?

Матвей посмотрел на него с недоверием.

— У тебя разговоры записываются?

— Не этот.

— Тогда дай.

Лев протянул телефон. Матвей отошёл к стене, заслонившись от ветра, и набрал номер по памяти. Соня не прислушивалась. Она видела лишь, как он несколько раз замолкал, затем быстро говорил, уставившись на камни мостовой. В конце произнёс:

— Я не один. Да. Сам приду. Нет, вещи у меня.

Он вернул телефон.

— Тётя согласна. Но я должен объяснить, что произошло.

— Ты можешь рассказать столько, сколько сам решишь, — сказала Соня.

— А если она захочет знать всё?

— Тогда скажешь ей, что пока не готов.

Матвей сунул фонарик в карман, но через секунду снова вынул.

— Не хочу, чтобы он там пропал.

Соня взглянула на вещь. На первый взгляд — старый латунный брелок, дешёвая безделушка, которую можно забыть на подоконнике. И всё же кто-то пришёл за ним, а не за журналом. Царапина, вырванная страница и дата на старой фотографии складывались в линию, но пока не в ответ.

— Носить его при себе опасно, — сказал Лев. — Я могу запереть в архивном шкафу до тех пор, пока...

— Нет, — перебил Матвей.

— Я не собираюсь отнимать его.

— Ты уже предложил.

Лев замолчал. Соня видела, как в нём борются привычка действовать и понимание, что благие намерения не дают ему права распоряжаться чужим.

— Тогда предлагаю другое, — сказала она. — Матвей оставляет его у себя. Мы вместе записываем, что именно он разрешает осмотреть: царапину, корпус, крепление. Ничего не вскрываем и не передаём комиссии без отдельного согласия. Если он передумает, останавливаемся.

— А если фонарик важен для дела? — спросил Лев.

— Тогда важность не отменяет согласия.

Матвей переводил взгляд с неё на Льва.

— Можно записать, что я разрешаю посмотреть, но только мне показывать всё, что вы найдёте?

— Можно, — ответила Соня. — И ты подпишешь только после того, как прочтёшь.

Лев достал из папки чистый лист.

— Я напишу сам. А потом дам тебе проверить каждую строчку.

Матвей кивнул. Он не улыбнулся, не поблагодарил и не стал легче дышать. Но в этот раз, когда Лев протянул ручку, мальчик взял её сам.

Над водой посветлело. Рассвет не обещал, что день будет безопасным, и Соня не ждала от него обещаний. Она смотрела, как Матвей выводит своё имя под коротким соглашением,

оставляя фонарик рядом с листом, на виду у всех троих. Теперь у них был не только след чужого вмешательства, но и ясная граница, которую никто не мог переступить от его имени.

Глава 2. Правило, которого не было

Чернила на подписи Матвея ещё блестели, когда Лев убрал лист в папку.

— Фонарик остаётся у него, — сказала Соня. — И мы не делаем из разрешения на осмотр разрешение на всё остальное.

— Я услышал.

— Хорошо. Тогда объясни, зачем ты принёс сюда копию чужого свидетельства.

Лев не ответил сразу. Он вынул из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист, но не протянул Соне — положил на стол между ними.

— Потому что вчера нашёл это в архиве портовой управы. Там есть запись о письме, которое вернулось отправителю.

Соня развернула бумагу. Копия была бледной, строки расплылись у сгиба. Вверху стоял штамп с датой: четырнадцатое октября 1987 года. Ниже — короткая запись о заказном отправлении, адресованном «Школе фонарей», с пометкой: «Адресат выбыл. Возвратить».

— Какое отношение это имеет к письму из наследства?

— Отправитель совпадает. И инициалы получателя тоже.

— Откуда ты знаешь?

— На конверте из чердака указана та же фамилия. Орловой я не говорил, потому что не хотел делать вывод раньше времени.

— Но уже сделал.

— Я сделал копию.

Соня ещё раз посмотрела на дату. В наследственном деле письмо значилось как найденное в закрытом ящике письменного стола. На конверте, который она видела у нотариуса, стояла дата «девятое октября». Пять дней между отправкой и записью о возврате были возможны. Но «Школа фонарей» не значилась ни в одном из документов, которые Соня успела просмотреть. Только в старой описи комнаты, среди вещей, предназначенных к передаче наследнице.

— Ты проверил, что запись не относится к другому отправлению?

— Номер совпадает с номером на квитанции. Имя отправителя — тоже.

— И кто ещё видел оригинал?

— Архивист.

— Он разрешил тебе сделать копию?

Лев выдержал её взгляд.

— Нет.

Соня медленно сложила лист по прежним сгибам.

— Тогда это не независимое свидетельство. Это бумага, которую ты вынес без разрешения.

— Она не была подшита к делу. Лежала в отдельном конверте.

— Это не меняет ответа.

— Я не собирался скрывать, как получил копию.

— Но собирался принести её мне так, будто происхождение не имеет значения.

Он отвёл глаза. В его лице не было привычной готовности спорить до последнего; только усталое раздражение на самого себя.

— Я думал, если сперва покажу запись, ты согласишься, что её надо проверить.

— Проверить — да. Использовать — нет. И Матвею мы пока ничего не показываем.

— Он должен знать, что письмо могло не дойти.

— Он должен сам решить, хочет ли знать. Мы не можем превращать его подпись в удобное разрешение на то, чего он не понял.

Лев забрал лист со стола, но не спрятал.

— Тогда поедem в архив и запросим оригинал.

— Сначала выясним, кто может подтвердить запись. Не подпись под ней — событие. Кто видел, что письмо вернулось?

Архивистка в портовой управе выслушала их, не снимая очков. За её спиной тянулись шкафы с потемневшими этикетками, а у окна булькала батарея. Снаружи над крышами висел низкий серый свет; до рассвета оставалось уже далеко, но день не стал от этого яснее.

— Конверт лежит в фонде старой почтовой станции, — сказала она. — Карточка учёта — в другом деле. Одно без другого ничего не доказывает.

— Можно их сверить? — спросила Соня.

— По заявлению. Не сегодня.

Лев назвал фамилию и дату, не упоминая копию. Архивистка посмотрела на него внимательнее.

— Вы уже приходили.

— Вчера.

— И тогда просили ту же папку?

— Да.

— Я сказала, что она закрыта до оформления запроса.

Соня повернулась к нему.

— Ты знал.

— Знал.

— И всё равно взял лист.

Он не стал защищаться. Архивистка сняла очки и протёрла их краем шарфа.

— В папке были личные сведения. Не тайна государственная, но чужая жизнь тоже не становится общественной собственностью только потому, что документы старые.

— Мы не будем её цитировать, — сказала Соня. — Хотим установить, кому и когда вернули письмо. И кто может подтвердить запись.

Архивистка помолчала, затем достала из ящика бланк.

— Есть бывшая сотрудница почтовой станции. Надежда Павловна Лунёва. Она ставила отметки о невручённых заказных отправлениях. Жива, живёт на Мельничной. Но я не дам вам её адрес без согласия.

— Можете передать ей нашу просьбу о встрече?

— Могу. Если она согласится.

Лев уже потянулся за телефоном, но Соня остановила его жестом.

— Сначала запрос. Потом ждём ответа. Мы не будем добиваться своего за счёт того, что человеку неудобно отказать.

Он медленно убрал руку.

Архивистка записала их имена и номер телефона Сони. Бумагу с копией Лев оставил у себя, но уже не держал её на виду. Когда они вышли, ветер с бухты ударил в лицо влажной холодью.

— Ты мог сказать мне сразу, — произнесла Соня.

— Да.

— Почему не сказал?

— Потому что боялся, что ты остановишь меня.

— Я бы остановила тебя от выноса документа. Не от расследования.

— Для меня это тогда показалось одним и тем же.

Соня посмотрела на него. В этой фразе было больше, чем оправдание, но не извинение, которого она могла бы принять без вопросов.

— А сейчас?

— Сейчас я понимаю разницу. Не уверен, что понимаю, как исправить то, что уже сделал.

— Начни с того, что вернёшь копию и признаешься архивистке. А дальше посмотрим.

Он кивнул, и они пошли к остановке. На перекрёстке Лев достал телефон. На экране высветилось сообщение: «В управе уже спрашивали, кто смотрел папку. Твою фамилию назвали».

Соня прочла через его плечо.

— Это кто?

— Коллега, которому я вчера оставил запрос. Он не знал про копию.

— А в управе знают, что это ты её взял?

— Пока нет.

Он погасил экран. Несколько секунд они слушали, как за поворотом гремит трамвай.

— Если они решат, что ты искал именно это письмо, — сказала Соня, — у тебя могут забрать доступ к архиву.

— Понимаю.

— А если письмо связано с моим наследством, твоя ошибка станет частью дела. Не только твоей.

Лев не попросил её отступить и не предложил забыть о документе. Он только посмотрел на копию в своих руках — теперь уже не как на улику, а как на то, за что придётся отвечать.

— Я верну её, — сказал он. — И скажу правду.

Впервые с момента, как он показал запись, Соня поверила не тому, что он обещал, а тому, что ему придётся сделать. Но бумага с датой четырнадцатого октября всё ещё оставалась у него, а письмо из чердака по-прежнему могло никогда не дойти до своего адресата.

На остановке Лев не убрал копию в папку. Он держал её за край, будто боялся оставить на бумаге ещё один след.

— До управы два квартала, — сказала Соня. — Пойдём пешком.

— Ты не обязана идти со мной.

— Знаю.

Он посмотрел на неё, но спорить не стал. Они свернули с набережной в узкий проезд между аптекой и закрытой булочной. Там пахло мокрым картоном и свежей краской: на стене кто-то недавно закрасил объявление, и сквозь серую полосу всё ещё проступали крупные буквы «СНИМУ».

— Ты ведь понимаешь, что возвращение копии не отменит того, что ты её вынес, — сказала Соня.

— Понимаю.

— А если тебя спросят, что ты успел прочитать?

— Скажу.

— И что ты покажешь им?

Лев остановился у водосточной трубы. Вода стекала по ней тонкой струёй и падала на крышку люка.

— Всё, что у меня есть.

— Тогда покажи сейчас. Не мне — себе.

Он развернул сложенный лист. На копии по-прежнему виднелись дата — четырнадцатое октября 1987 года, — название «Школа фонарей», имя отправителя, инициалы получателя и номер отправления. Ниже стояла отметка: «Адресат выбыл. Возвратить». Подписи под ней не было; рядом виднелся обрезанный край соседней записи. Соня перечитала дату, хотя помнила её.

— Ты сделал копию до того, как заметил, что номер дела не совпадает? — спросила она.

— Нет. Я заметил сразу. Думал, что это опечатка.

— А потом?

— Потом решил, что сначала разберусь сам.

— То есть решил, что имеешь право выбирать, какую часть правды оставить другим.
Лев опустил лист.

— Да.

Он произнёс это без просьбы о снисхождении. Соня отвела взгляд к улице. На другой стороне проезда в окне мастерской горела лампа, хотя двери были заперты. За стеклом стояла настольная лупа и ряд часов без стрелок.

— В управе не архив, — сказала она. — Там копию могут зарегистрировать как вещественное приложение, а могут просто забрать и забыть. Тебе нужно получить расписку.

— Знаю.

— И архивистке придётся объяснить, как она оказалась у тебя.

— Я объясню сам.

— Хорошо.

Он сложил лист точно по старому сгибу, но Соня заметила, что пальцы у него дрожат. Не сильно. Достаточно, чтобы бумага тихо хрустнула.

В приёмной управы пахло мокрыми пальто и бумагой. За стеклянной перегородкой сидела сотрудница, которую Соня раньше не видела. Лев назвал фамилию, попросил вызвать архивистку и не стал объяснять причину. Женщина посмотрела на него поверх очков.

— Она сегодня не принимает посетителей.

— Тогда регистрируйте моё письменное сообщение и приложенную копию. Я должен указать, откуда она у меня.

Сотрудница протянула бланк.

Соня не вмешивалась, пока Лев не дошёл до строки «обстоятельства получения». Он задержал ручку над бумагой.

— Напиши, что взял без разрешения, — сказала она тихо.

— Я так и собирался.

— Ты собирался написать «получил для ознакомления».

Он посмотрел на неё. Несколько секунд в приёмной слышался только скрип ручки в соседней комнате.

— Да, — сказал он наконец. — Собирался.

Соня не стала добавлять, что догадалась сразу. Он вписал нужные слова: открыл папку без согласования, снял копию, намерен вернуть её и предоставить сведения о содержании. Ни оправдания, ни ссылки на срочность.

Сотрудница прочла заявление и подняла глаза.

— Это может повлечь служебную проверку.

— Понимаю.

— Ваш пропуск могут временно заблокировать.

— Понимаю.

Она сняла копию с его заявления и поставила входящий штамп. Оригинал приложила к листу с датой. Бумага исчезла за стеклом — теперь не в кармане Льва, не в руках Сони, а в зарегистрированном деле. От этого не становилось легче, но менялся порядок вещей.

— Расписку, пожалуйста, — сказал Лев.

Сотрудница выдала ему узкую квитанцию с номером и временем приёма. Он проверил запись, расписался и убрал её отдельно.

— Вот теперь это можно считать возвращённым, — сказала Соня, когда они вышли.

— А то, что я сделал, нет.

— Нет.

Он кивнул. Ветер на улице поднялся, потянул с залива сыростью и запахом водорослей. У входа Лев достал телефон.

— Мне нужно написать коллеге, который предупредил, — сказал он. — Чтобы он не пытался замять это за меня.

— Напиши.

Он набрал несколько строк и перечитал их, прежде чем отправить. Потом экран погас.

— Ответил? — спросила Соня.

— Ещё нет.

— Не жди, что он снимет с тебя ответственность.

— Не жду.

Они направились обратно к архиву. На перекрёстке Лев свернул не туда, и Соня остановилась.

— Мельничная — в другую сторону.

— Я хотел пройти к станции.

— Зачем?

Он достал из внутреннего кармана небольшую записную книжку. Перелистнул несколько страниц и показал ей короткую запись: «Лунёва. Отметки по возвратам. Октябрь — дежурство с Павловым». Ни адреса, ни номера телефона.

— Это из старого рабочего журнала, — сказал он. — Я увидел фамилию, когда ещё имел доступ к описям. Там указано, что в тот день отметки ставили вдвоём. Если Надежда Павловна помнит запись, возможно, второй сотрудник подтвердит не только дату.

— Ты уже знал об этом, когда показал копию?

— Нет. В журнале я нашёл вчера. А сегодня, пока ты говорила с архивисткой, вспомнил, что имя Павлова встречалось в соседней карточке.

— Ты не упоминал об этом.

— Не был уверен, что это та же смена. И не хотел снова прийти к тебе с тем, что сам проверил украдкой.

Соня посмотрела на него внимательно.

— Это уже не причина скрывать. Это причина показать запись и сказать, откуда она.

Лев протянул книжку. Она не взяла её.

— Прочитай вслух.

Он подчинился. Запись была старой, сделанной карандашом; имя Павлова повторялось в нескольких строках, но без инициалов. Никакого доказательства, только направление, по которому можно было идти.

— В архиве есть журнал выдачи сменных ключей, — сказала Соня. — Если Павлов действительно был на станции, там может сохраниться отметка. Но мы не имеем права просить архивистку искать его тайком.

— Согласен.

— И не будем разыскивать Лунёву напрямую, пока она не ответила.

— Согласен.

Он закрыл книжку и убрал её обратно. Его согласие не звучало уступкой. Скорее, он впервые оставлял Соню рядом не потому, что надеялся на её одобрение, а потому, что понимал: дальше решение должно быть проверяемым.

У двери архива телефон Сони коротко завибрировал. Сообщение пришло с незнакомого номера: «Надежде Павловне передали вашу просьбу. Она согласна на встречу. Но просит прийти одной».

Соня прочла текст второй раз. Лев стоял рядом, не заглядывая через её плечо.

— Ответишь? — спросил он.

Она набрала: «Да. Назовите время и место».

Палец задержался над кнопкой отправки.

— Она просит меня не приходить, — сказал Лев.

— Я вижу.

— Я не стану настаивать.

Соня отправила сообщение. В том, что Лунёва согласилась говорить, было облегчение; в просьбе прийти одной — граница, которую нельзя было принять за пустую формальность.

— Если она откажется говорить при свидетеле, — произнесла Соня, — я не буду записывать разговор тайком. Но попрошу подтвердить то, что она готова подтвердить, письменно.

— А если не захочет и этого?

— Тогда у нас останется её отказ и остальные следы.

Лев медленно кивнул. Его собственная бумага уже лежала в упаве, зарегистрированная вместе с признанием. Теперь встреча, которую они добивались по правилам, могла состояться лишь без него.

Телефон снова завибрировал. «Завтра. Чайная на Мельничной, в одиннадцать. Приходите без сопровождающих».

Соня убрала телефон.

— Завтра в одиннадцать, — сказала она. — Я пойду одна.

— Хорошо.

Он не спросил, будет ли она пересказывать ему разговор. Не потребовал обещания и не предложил подождать неподалёку. Только отступил от двери, освобождая ей проход.

Соня открыла архивную дверь и услышала, как за спиной Лев складывает в карман расписку. Теперь его ошибка была не тайной между ними, а записью с номером и временем, которую можно было проверить. А её завтрашняя встреча принадлежала Надежде Павловне не меньше, чем самой Соне.

За дверью архива Лев не ушёл сразу. Он стоял у окна в конце коридора, где стекло было затянуто серой пылью, а за ним виднелась узкая полоса набережной. Вода уже темнела. Рассвет, начавшийся для Сони в кабинете нотариуса, давно уступил место короткому зимнему дню.

— Ты сказал, что не станешь настаивать, — произнесла она. — И не настаивал. Но у тебя есть ещё что-то.

Лев посмотрел на неё.

— Есть.

— Почему ты не показал это раньше?

— Потому что сначала хотел проверить, не пытаюсь ли я снова протолкнуть удобную версию.

В его голосе не было самозащиты. Только усталость человека, который уже однажды обнаружил собственное имя там, где надеялся увидеть чужое.

— Что за версия?

Лев достал из внутреннего кармана тонкую папку. Не ту, что хранилась у нотариуса, — серую, с размокшим углом и двумя металлическими скобами. Он положил её на подоконник, но не раскрыл.

— В девяносто восьмом году Павлов не просто работал на станции. Он приходил туда после закрытия. И однажды передал Лунёвой письмо.

— Ты уверен?

— Не настолько, чтобы говорить это как факт.

— Тогда зачем принес?

— Потому что у меня есть свидетельство человека, который видел передачу. И потому что дата не совпадает с записью в книжке.

Соня не коснулась папки.

— Чьё свидетельство?

— Аркадия Власова. Он был ночным электромехаником на станции. Сейчас живёт на улице Портовой. Я нашёл его утром.

— Один?

— Да.

— Представился?

— Полностью. Сказал, по какому делу пришёл. Он согласился поговорить и подписал лист только после того, как я прочитал ему текст вслух.

Соня всё-таки открыла папку. На первом листе стояли дата, адрес, фамилия свидетеля и короткая записка, сделанная от руки. Почерк был неровным, но разборчивым.

«В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое октября Павлов пришёл к служебному входу около двадцати трёх часов. С ним был конверт без марки. Он спрашивал Надежду Павловну Лунёву. Я видел, как она вышла из комнаты дежурной. Павлов отдал ей конверт. Она сказала: “Не здесь”. После этого они прошли к старому залу ожидания».

Ниже стояла подпись и дата нынешнего дня.

Соня перечитала записку, затем перевернула лист. На обороте Лев указал номер своего удостоверения, время разговора и фразу: «Свидетель сообщил, что не видел содержимого конверта».

— Это важно, — сказала она.

— Что именно?

— Что он не додумывает. Не утверждает, будто знает, что было внутри.

— Я попросил его не добавлять того, чего он не видел.

— А почему в книжке стоит другое число?

Лев положил на подоконник раскрытую записную книжку. Соня достала из сумки фотографию страницы, сделанную утром. В карандашной заметке имя Павлова стояло рядом с числом «17». Между цифрами была царапина, но первая могла быть и единицей, и плохо стёртой четвёркой.

— Ты прочитал как семнадцатое? — спросила она.

— Сначала да. Потом Власов назвал четырнадцатое. Я вернулся к записи и увидел, что карандаш поверх старой цифры. Кто-то исправлял дату.

Соня поднесла фотографию ближе к окну. Тонкая линия действительно пересекала верхнюю часть знака. Рядом с числом шли два слова: «П. — Л.». Никаких инициалов, только направление, которое они уже обсуждали.

— Власов мог ошибиться спустя столько лет.

— Мог. Поэтому я не принес его показания как доказательство истины.

— Но принёс как независимый след.

— Да.

Она закрыла папку.

— Независимый не значит нейтральный.

— Он не знает нас. Не знает про фонарик, письмо и твою встречу с Лунёвой. Если ты это имеешь в виду, то да, он независимый.

— Я имею в виду другое. Ты пришёл к нему первым. Мог невольно направить его вопросы.

Лев чуть отвернулся. За окном по стеклу поползла первая капля дождя.

— Я задал три вопроса. Где он был в ночь на четырнадцатое октября, видел ли Павлова и может ли описать, что происходило. Когда он сам назвал Лунёву, я попросил его повторить это для записи.

— И он подписал?

— После чтения.

— А ты сообщил, что я собираюсь встретиться с ней?

— Нет.

— Что работаешь по наследству?

— Да. Я сказал ему об этом, когда представлялся.

Соня положила ладонь на серую папку, не закрывая её окончательно.

— Почему именно ты ходил к свидетелю?

— Потому что это был мой след.

— Твой?

— В записке упоминался Павлов, а имя Павлова есть в материалах, которые я подал. Если бы я привёл тебя к Власову, это выглядело бы так, будто ты подтверждаешь мою версию. Я хотел, чтобы сначала появился человек, который не обязан тебе верить.

— Ты решил, что можешь сам выбрать правильный порядок проверки.

— Да.

Ответ прозвучал так быстро, что Соня впервые за последние минуты подняла на него глаза.

— И это тебя не настораживает?

— Настораживает. Поэтому я принёс не только бумагу, но и свои вопросы к ней.

Он забрал лист, перевернул и показал нижнюю строку, которую она сначала не заметила.

«Свидетель просил не приходить к нему без предварительного звонка. Разговор о содержимом письма не состоялся».

— Он отказался рассказывать больше? — спросила Соня.

— Сказал, что видел передачу, но не хочет становиться участником старого семейного дела. И добавил, что утром четырнадцатого числа Павлов снова приходил на станцию.

— Это уже не записано.

— Потому что он не согласился включать это в заявление. Он сказал мне это после подписания, когда я выключил диктофон.

— Ты вёл запись?

— С его разрешения. Только во время чтения и подписания. После выключения мы говорили неофициально.

— Значит, эту часть мы не используем.

— Я знаю.

Соня вернула папку.

— Нет. Пока не используем. Но запомним, что она существует. Это разные вещи.

Лев кивнул. В коридоре хлопнула дверь, и из читального зала донёсся голос архивистки: она просила кого-то не ставить кружку на опись.

— Утром ты идёшь к Лунёвой одна, — сказал Лев. — Теперь у тебя есть дата, имя свидетеля и несоответствие в записи. Но если она спросит, откуда мы знаем о четырнадцатом, не говори про Власова без его согласия.

— Я не собиралась раскрывать его имя.

— Даже если она станет давить.

— Надежда Павловна уже попросила прийти одной. Давление может быть и с её стороны, и с моей. Я не стану превращать свидетеля в рычаг.

Лев провёл пальцем по краю папки.

— А если она скажет, что ничего не было?

— Тогда попрошу её отрицание письменно.

— Она может отказаться.

— Тогда зафиксирую отказ для себя сразу после встречи и не стану выдавать его за признание.

Он посмотрел на неё внимательнее, словно хотел спросить, где в этом всё место для него, но остановился.

Соня убрала фотографию архивной записи в сумку. В ней теперь лежали три разные вещи: старое письмо, снимок страницы с испорченной датой и копия свидетельства, в котором

человек очень точно отделил увиденное от предполагаемого. Пока эти предметы не складывались в ответ. Но впервые они указывали не в одну удобную сторону, а друг на друга — через разрыв в три дня.

— Я позвоню Власову сама, — сказала она.

— Он просил не приходить без звонка. Позвонишь после встречи?

— До неё. Мне нужно получить его согласие на использование показания.

— Он может передумать.

— Имеет право.

Лев убрал папку обратно в пальто.

— Если он передумает, у нас останется только копия, которую я сделал с его разрешения.

— Разрешение на копию не равно разрешению распространять её содержание.

— Я понимаю.

Они вышли на улицу вместе. Дождь оказался холоднее, чем выглядел из окна. На Маячной зажглись первые фонари, и свет в их мокрых кругах дрожал от ветра. Лев остановился у перекрёстка, где им было по пути в разные стороны.

— Завтра я не буду в чайной, — сказал он.

— Я знаю.

— И не стану ждать у входа.

— Это тоже правильно.

Он усмехнулся, но без веселья.

— Ты говоришь так, будто правильное решение должно быть неприятным.

— Иногда оно просто не принадлежит нам.

Лев посмотрел на её сумку.

— Возьми с собой чистый лист.

— Уже взяла.

— И второй экземпляр соглашения с Матвеем.

Соня нахмурилась.

— При чём здесь Матвей?

— Если Лунёва знала о фонаре, она может попытаться представить его согласие как часть старой договорённости. Лучше, чтобы у тебя были точные даты и подпись мальчика.

— Ты боишься, что она использует чужое согласие?

— Я боюсь, что кто-нибудь снова решит, будто право говорить за другого появляется вместе с полезной целью.

В этих словах не было обвинения, но Соня услышала в них его собственную ошибку — ту, которую он уже вынес на бумагу, не объясняя и не смягчая.

— Тогда завтра я буду говорить только от своего имени, — сказала она. — А всё остальное назову тем, чем оно является: чужим свидетельством, чужим отказом или чужим молчанием.

Лев кивнул и первым отошёл от перекрёстка. Соня смотрела, как он исчезает под дождём, пока его силуэт не растворился между тёмными витринами и жёлтым светом фонарей. Потом достала телефон и открыла новый контакт, который написал на обороте свидетельства Власов.

Она позвонила ему в тот же вечер, потому что согласие не становилось действительным от одной лишь полезности для дела.

— Соня Орлова?

Голос был хриплым, с долгой паузой перед каждым словом, будто Власов сначала проверял, не подслушивает ли кто-нибудь рядом.

— Да. Вы видели мой звонок?

— У меня определитель. Не думайте, что я рад.

— Я и не думаю. Мне нужно спросить о вашем свидетельстве.

— О копии?

— О содержании. Вы разрешили Льву Данилову снять копию, но не давали согласия на её распространение. Я не буду использовать показание без вашего решения. Мне важно понять, готовы ли вы подтвердить его лично.

На том конце зашуршала ткань. Где-то рядом звякнула чашка.

— Подтвердить кому?

— Сначала мне. Потом, если понадобится, следователю или нотариусу. Вы сможете отказаться в любой момент, пока не подпишете отдельное согласие.

— А если я скажу сейчас?

— Сейчас вы сообщите мне свою волю. Это не превратит разговор в официальное показание.

— Хорошо. Тогда нет.

Соня молча записала ответ на обороте старого конверта.

— Вы не хотите подтверждать?

— Я не хочу, чтобы моё имя появилось там, где его уже однажды использовали без спроса.

— Кто использовал?

— Вы же не затем звоните, чтобы выслушать очевидное.

— Я звоню, чтобы не делать предположений.

Власов кашлянул. В его голосе впервые появилась злость — не резкая, а усталая, накопленная годами.

— Приходите завтра в девять. Адрес у вас есть?

— Есть.

— Одна.

— Я не могу обещать, что буду одна.

— Тогда не приходите.

Соня посмотрела на мокрое окно. Внизу, у подъезда, ветер гонял по асфальту жёлтые листья, и каждый лист на мгновение застревал в круге фонарного света.

— Я могу прийти с юристом, — сказала она. — Но не буду приводить никого без предупреждения. Лев Данилов не войдёт, если вы этого не хотите.

— Данилов уже всё знает.

— Знать содержание копии и присутствовать при разговоре — разные вещи.

— Для него, может быть. Для меня нет.

Она услышала, как Власов встал. Половица протяжно скрипнула.

— Девять пятнадцать, — сказал он. — У старого почтамта. Не внутри. Сбоку, у служебных ворот.

— Почему не дома?

— Потому что дома я отвечаю за себя. А возле почтамта меня видят люди.

— Это похоже на страх.

— Это и есть страх, Орлова. Не пытайтесь назвать его осторожностью, чтобы было удобнее.

Он отключился.

Соня ещё несколько секунд держала телефон у уха. Потом открыла переписку с Львом и написала: «Власов согласился на встречу. Просит прийти одной. Девять пятнадцать, старый почтамт, служебные ворота. Я не обещала, что буду одна».

Ответ появился почти сразу.

«Буду на другой стороне улицы. Не подойду без твоего сигнала».

Она перечитала сообщение дважды. В нём не было ни оправдания, ни попытки настоять на своём. Только заранее обозначенная граница. Соня положила телефон рядом с сумкой и достала из неё снимок архивной страницы.

Испорченная дата темнела внизу листа, похожая на след от мокрого пальца. Три дня. Между исчезновением письма и записью о фонаре. Три дня, за которые кто-то успел вынуть предмет из комнаты, вернуть его на место и оставить после себя аккуратную, почти незаметную ошибку.

Она положила рядом второй лист из папки Льва — копию более старого свидетельства Власова, составленного семнадцатого октября после отдельного события у бывшей школы. Первое, только что записанное Львом свидетельство касалось передачи конверта на станции в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое; этот архивный лист описывал уже шестнадцатое октября. Соня не смешивала два показания и их даты.

«Шестнадцатого октября, около шести часов вечера, видел у северного входа женщину, выходящую из здания бывшей школы...»

Дальше шли описание пальто, цвет шарфа и одна фраза, которую Соня уже знала наизусть: «В руке у неё был небольшой металлический предмет, похожий на карманный фонарь».

Свидетельство было датировано семнадцатым октября. На снимке архивной страницы дата стояла двадцатого, но последняя цифра расплылась, словно её специально провели влажной кистью. Лев утверждал, что копировал документ двадцать первого, когда чернила уже высохли и никаких следов воды на бумаге не было.

Соня достала карандаш и написала на полях:

«Что именно видел Власов? Предмет или человека?»

Утром у почтамта пахло углём, речной тиной и свежей краской. Старое здание стояло закрытым третий год, но служебные ворота кто-то регулярно смазывал: на петлях блестела густая чёрная мазь. Соня пришла в девять восемь. Лев был через дорогу, у киоска с газетами. Он заметил её, едва повернул голову, и не двинулся с места.

Власов появился в девять четырнадцать. Невысокий, сутулый, в сером пальто, которое было ему велико в плечах. В руке он держал плоский коричневый портфель. Остановился в трёх шагах от Сони и посмотрел сначала на неё, потом на дорогу.

— Он там?

— Да.

— Вы обещали, что он не войдёт.

— Он не войдёт.

— Обещали вы, а не он.

— Если вы скажете, что хотите уйти, я не стану вас удерживать.

Власов сжал ручку портфеля.

— Это ваши условия?

— Нет. Ваше право.

Он внимательно посмотрел на неё, словно проверял не слова, а то, как быстро она готова отступить.

— Вчера я сказал по телефону, что не хочу подтверждать свидетельство. Это остаётся в силе.

— Поняла.

— Но я могу объяснить, почему написал то, что написал.

— Я слушаю.

— Пять лет назад ко мне пришла Лунёва. Не лично. Через своего помощника. Попросила подписать уточнение к свидетельству.

Соня не перебила.

— Какое уточнение?

— Что я видел не шестнадцатого, а девятнадцатого октября. Якобы перепутал день, потому что тогда у меня умер брат и я плохо соображал. Брат умер в ноябре.

Власов вынул из портфеля сложенный вчетверо лист.

— Я отказался. После этого ко мне пришёл человек из районной администрации. Сказал, что если я не исправлю дату, у меня отберут мастерскую. Формально — за нарушение пожарных правил. Нарушения были, но такие же, как у половины квартала.

— И вы всё равно оставили прежнюю дату.

— Я подписал другой документ.

Соня почувствовала, как холод от каменной стены пробирается через подошвы.

— Какой?

— Расписку, что отказываюсь от претензий к администрации. В обмен мастерскую не закрывают. Я не лгал в свидетельстве, но согласился, чтобы мой страх стал частью чужого расчёта.

Он развернул лист. Бумага была тонкой, серой, с печатью внизу. Соня узнала бланк районного отдела имущества. В графе «предмет соглашения» значилась мастерская Власова на улице Кузнечной. Ниже — дата: девятнадцатое октября.

— Это дата, когда к вам пришли?

— Нет. Документ принесли двадцать второго.

— Почему здесь девятнадцатое?

— Потому что именно на девятнадцатое они хотели перенести мою встречу с женщиной. Если я соглашался с этим числом, моё свидетельство становилось ошибкой. А ошибка свидетеля — удобнее, чем вмешательство в архив.

Соня подняла глаза.

— Вы сказали, что видели женщину шестнадцатого. Вы уверены?

— Уверен в дне. Не потому, что помню день недели. В тот вечер я должен был забрать у почтальона посылку для брата. На квитанции стоит шестнадцатое. Я сохранил её.

Он достал вторую бумагу — узкую, с выцветшим штампом почты. Время выдачи: 18:07.

— А женщину вы видели до этого?

— В 17:52. Она вышла из северных дверей. Дверь захлопнулась не сразу. Я слышал, как внутри звякнуло стекло.

— Вы видели её лицо?

— Нет. Шарф закрывал подбородок, а она отвернулась.

— Тогда почему в свидетельстве написали «Лунёва»?

Власов опустил взгляд на лист.

— Не писал. Это дописал Данилов.

Через дорогу Лев поднял голову. Он не двинулся, но Соня увидела, как его рука сжалась на ремне папки.

— В вашей копии есть это имя, — сказала она.

— В моей копии нет. В оригинале тоже не было. Я написал: «женщина в тёмном пальто». Когда Данилов приходил ко мне, он спросил, не Лунёва ли это. Я сказал, что не знаю. Он записал мой ответ как «вероятно, Лунёва»?

— Нет, — сказал Лев через дорогу, но не приблизился. — Я записал: «Власов допускает, что это могла быть Лунёва, но лица не видел». Вы сами прочитали и подписали разрешение на копию.

— На копию моего текста, — резко ответил Власов. — А не на ваши догадки рядом с ним.

— Вы правы.

Ответ прозвучал так просто, что Власов замолчал.

Соня повернулась к Льву:

— Оригинал у тебя?

— Да.

— Принеси, но останься там, где стоишь.

Он кивнул, достал из папки прозрачный файл и поднял его, чтобы было видно через улицу. Даже на расстоянии Соня различила рукописные строки. После слов Власова действительно стояло: «Допускает, что женщина могла быть Лунёвой». Ниже, другим почерком, было добавлено: «Лицо не опознано».

— Покажи оборот, — сказала Соня.

Лев перевернул лист.

На обратной стороне, под печатью, чернела короткая приписка: «Свидетель предупреждён о последствиях разглашения сведений».

— Этого в копии нет, — произнёс Власов.

— Потому что копировал только лицевую сторону, — ответил Лев. — Я не знал, что там есть текст.

— Теперь знаете, — сказала Соня. — И это меняет положение всех троих.

Власов нервно усмехнулся.

— Всех троих?

— Вас могут обвинить в нарушении обязательства о неразглашении, если вы подтвердите документ публично. Льва — в использовании показания с неполной копией. Меня — в распространении сведений, которые я получила, не имея вашего согласия.

— Значит, безопаснее всего снова промолчать.

— Безопаснее для кого?

Он посмотрел на закрытые ворота почтамта. За ними, в глубине двора, темнели окна бывшей школы — здания, где когда-то хранили фонари, а теперь хранились только пустые шкафы и чужие распоряжения.

— Вы хотите, чтобы я подписал согласие?

— Нет. Я хочу, чтобы вы решили, готовы ли вы дать его, зная цену. Если нет — я не использую ваше имя и не передаю копию. Но оригинал останется у вас, а дата на почтовой квитанции уже подтверждает, что ваше свидетельство не возникло из догадки.

Власов долго молчал.

Потом достал из портфеля ещё один конверт.

— Это я не показывал Данилову.

Внутри лежал пропуск на территорию бывшей школы. Имя владельца было затёрто ластиком, но дата сохранилась: шестнадцатое октября, 17:31. На обороте стояла подпись дежурной по зданию — Марии Рудневой.

— Руднева жива? — спросила Соня.

— Жива. Работает в прачечной на Старом рынке. Но она испугается, если поймёт, зачем вы её ищете.

— Вы готовы назвать её?

Власов сжал конверт, уже собираясь убрать обратно.

— Имя назову. Свидетельство пока не разрешу использовать.

— Этого достаточно, чтобы обратиться к ней без вашего показания?

— Если вы не скажете, откуда узнали.

— Не скажу без вашего согласия.

Он кивнул, но облегчения в его лице не появилось.

— И ещё, Орлова. Если Руднева подтвердит, что Лунёва была там шестнадцатого, не спешите радоваться. В тот день Лунёва числилась в другом месте. У неё есть алиби.

Соня посмотрела на пропуск.

— Какое?

— Она подписывала ведомость в городской библиотеке. В пять сорок. И подпись настоящая.

Лев медленно опустил папку.

Теперь противоречие касалось не только даты и свидетельства. В один и тот же час Лунёва могла находиться в двух местах — или кто-то заранее подготовил её присутствие на бумаге.

Власов убрал конверт в портфель и впервые посмотрел Соне прямо в глаза.

— Вот почему я боюсь. Если вы начнёте копать, они перестанут давить на мою мастерскую. Они возьмутся за вас.

— Уже взяли, — сказала Соня.

Она не знала, правда ли это, но в этот момент за закрытыми воротами почтамта щёлкнул замок, хотя рядом не было никого, кто мог бы его открыть. Лев шагнул с тротуара, нарушив обещание оставаться на месте, и Соня подняла ладонь, останавливая его.

На служебной двери появился свежий лист бумаги. К нему была приколота копия её наследственного уведомления с нотариальной печатью и короткой надписью от руки: «Не называйте Рудневу».

Власов побледнел.

Соня сняла лист с двери, сложила его вчетверо и убрала в папку рядом со старым письмом. Теперь у неё было не признание и не ответ, а доказательство того, что неизвестный человек следил за каждым шагом расследования и уже знал, куда она направится дальше.

Глава 3. Цена первой ошибки

Копия уведомления лежала в папке поверх старого письма, и Соня чувствовала её присутствие даже через плотный картон обложки. Бумага была самой обыкновенной, из тех, на которых печатали служебные распоряжения и объявления о ремонте водопровода. Но нотариальная печать на копии была настоящей. Она не доказывала, что уведомление кто-то использовал для давления на свидетелей, зато доказывала другое: сведения о наследстве вышли за пределы нотариальной конторы раньше, чем Соня успела понять, что именно получила.

Она остановилась у угла почтамта, пропуская грузовую тележку. Колёса дробно застучали по каменной мостовой, и возница, не поднимая головы, выругался на разбухшую от дождя доску. Серебряная Гавань просыпалась без особой охоты. Ветер тянул с воды сыростью, в булочной напротив пахло горячим тестом, а над крышами старых домов висел бледный свет, в котором даже яркие вывески казались выцветшими.

— Ты собираешься идти дальше? — спросил Лев.

Он стоял рядом, но не пытался заглянуть в папку.

— Да.

— Куда?

— Сначала туда, где можно проверить, кто имел доступ к уведомлению.

— В нотариальную контору?

— Не обязательно. Нотариус может подтвердить, когда документ составили и кому выдали. Но если копия появилась здесь, это ещё не означает, что её сделали именно там.

Лев помолчал.

— Ты считаешь, что кто-то из конторы передал сведения?

— Я считаю, что у нас пока нет оснований считать что-либо ещё.

Он едва заметно усмехнулся, но без веселья.

— Ты всегда так говоришь, когда уже подозреваешь конкретного человека.

— А ты всегда так говоришь, когда хочешь, чтобы я назвала его первой.

Лев отвернулся к воде. На набережной рабочие вытаскивали из кузова деревянные ящики, и один из них, слишком тяжёлый для двоих, с глухим стуком опустился на землю.

— Я не хочу, чтобы ты снова осталась одна перед закрытой дверью, — сказал он.

— Тогда не решай за меня, перед какой дверью мне стоять.

Он принял замечание без возражений. Соня заметила, что пальцы его правой руки сжались, будто он хотел удержать невидимую ручку и не позволить ей повернуться.

— Хорошо, — произнёс он. — Я могу предложить тебе информацию. А ты сама решишь, что с ней делать.

— Начни с того, почему ты вчера искал сведения о Лунёвой.

Лев посмотрел на неё.

— Я не искал сведения о ней.

— Ты принёс копию свидетельства, в котором её имя оказалось связано с письмом, вернувшимся отправителю. Сегодня на двери появляется предупреждение о Рудневой. Между ними есть связь, о которой ты знаешь больше, чем говоришь.

— Я знаю только часть.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Соня могла бы продолжить спор, но поняла, что сейчас он снова замкнётся. Не из упрямства даже. В его молчании было что-то более неприятное: убеждение, что признаться в собственной ошибке можно лишь тогда, когда заранее подготовлено оправдание.

Она поправила ремень сумки.

— Я направляюсь в архив портовой управы. Ты можешь идти со мной. Но если у тебя есть документ, который способен изменить смысл происходящего, я хочу увидеть его до того, как мы начнём делать выводы.

— Есть запись, — сказал Лев. — О выдаче копии из регистрационного журнала. Я не уверен, что она относится к нашему письму.

— Тогда проверим.

Они двинулись вдоль набережной.

Архив портовой управы размещался в пристройке к старому административному зданию, где когда-то хранили судовые ведомости и списки грузов. Внутри пахло мокрым камнем, клеем и металлической пылью. За стойкой сидел молодой служащий в жилете, застёгнутом не на те пуговицы. Он изучил удостоверение Льва, потом перевёл взгляд на Соню.

— Запросы принимаются до полудня. Если вам нужны старые регистрационные записи, потребуется основание.

— Мы хотим проверить запись о возврате письма отправителю, — сказала Соня. — И историю выдачи копий из соответствующего регистра.

— За какой год?

Она назвала год, указанный на документе.

Служащий нахмурился.

— Такие дела переданы в закрытое хранение. Нужен письменный запрос.

— Мы можем его составить.

— Рассмотрение займёт несколько дней.

— Тогда примите запрос сегодня, — ответила Соня.

Он посмотрел на Льва, словно надеялся, что тот вмешается и объяснит, почему посетители не должны создавать ему лишнюю работу. Лев не вмешался.

Служащий достал бланк и положил на стойку.

Соня заполняла его медленно, сверяя каждую формулировку с тем, что действительно могла обосновать. Она не стала писать о преследовании, не упомянула записку на двери и не назвала ни одного человека, чья причастность оставалась предположением. Её интересовали регистрационный номер, дата поступления письма, дата возврата и сведения о выдаче заверенных копий.

— Вы ведь понимаете, — сказал служащий, когда она закончила, — что доступ к старым материалам иногда ограничен не просто так.

— Понимаю. Поэтому я не прошу выдать мне закрытое дело без разрешения.

Он взял бланк.

— Оставьте контактные данные.

Соня записала адрес для ответа, но телефон не указала. Служащий заметил это, однако спорить не стал.

Когда они отошли от стойки, Лев тихо произнёс:

— Ты могла бы попросить меня поговорить с начальником архива. Мы знакомы.

— Могла бы. Но тогда мы бы проверяли не только документы, но и твою способность убеждать знакомых делать исключения.

— Иногда без исключений ничего не добиться.

— А иногда исключение и есть способ спрятать то, что должно быть видно всем.

Лев остановился возле высокого окна. На стекле дрожали отражения прохожих.

— Ты думаешь, я хочу что-то спрятать?

— Я думаю, что ты привык исправлять последствия поступков, о которых не рассказываешь.

Он долго смотрел на неё, и Соня уже решила, что разговора не будет.

— Несколько лет назад я передал копию одного документа человеку, которому доверял, — наконец сказал Лев. — Мне казалось, что так я помогу разобраться в деле быстрее. Я не проверил, что этот человек собирается с копией делать.

— И что произошло?

— Свидетель отказался от показаний. Не потому, что документ был ложным. Потому, что ему дали понять: о его словах уже знают.

— Ты рассказал об этом официально?

— Да.

— Кому именно ты передал документ?

Лев сжал губы.

— Я пока не готов назвать имя.

— Тогда ты пока не готов просить меня доверять тебе в расследовании.

— Я не прошу.

— Просишь. Просто не произносишь этого вслух.

Он опустил взгляд. Соня не почувствовала ни удовлетворения, ни облегчения. Его признание не объясняло происхождение предупреждения и не доказывало, что он снова совершил ту же ошибку. Но теперь между ними появилась новая граница: она знала, что однажды он уже отдал чужую уязвимость в чужие руки, и не могла делать вид, будто этого не было.

— Я не буду вытягивать из тебя имя, — сказала она. — Но если выяснится, что ты снова распорядился чужими сведениями без разрешения, я не стану прикрывать тебя.

— Я бы и не попросил.

— Надеюсь.

Из глубины коридора вышла женщина с папкой под мышкой. На вид ей было около пятидесяти; волосы собраны в тугий узел, на воротнике пальто темнели капли дождя. Она прошла мимо них, но у двери остановилась и обернулась.

— Соня Орлова?

Соня не ответила сразу.

— Да. А вы?

— Мария Павловна Руднева.

Лев резко повернулся. Женщина заметила это движение и посмотрела на него без удивления.

— Значит, вы всё-таки добрались сюда, — сказала она.

— Вы знали, что мы придём? — спросила Соня.

— Нет. Я знала, что кто-нибудь придёт. После того как утром мне позвонили из управы.

— Кто звонил?

— Мужчина, который не представился. Он сообщил, что архив собираются тревожить по поводу старого письма, и посоветовал мне не появляться здесь.

— А вы появились.

— Я не люблю, когда мне указывают, куда ходить.

Руднева говорила сухо, почти раздражённо. Она не выглядела человеком, который собирался доверять незнакомцам, но и уходить не торопилась.

— Вы знаете о письме, которое вернулось отправителю? — спросила Соня.

— Знаю о записи, которая утверждает, что оно вернулось.

— Это разные вещи?

— Иногда между ними целая жизнь.

Руднева перевела взгляд на папку Сони.

— У вас есть копия свидетельства?

Соня не открыла папку.

— Возможно. Но прежде чем обсуждать документы, я хочу понять, почему вы получили звонок.

— Потому что когда-то я работала с регистрационными книгами портовой управы. И потому что в одной из них есть запись, которую много лет никто не хотел замечать.

— Какая именно?

— О выдаче дубликата.

Лев сделал шаг вперёд.

— Дубликата чего?

Руднева посмотрела на него внимательнее.

— Вы Данилов. Я вас помню.

— Откуда?

— Вы приходили сюда несколько лет назад. Спросили о деле, которое тогда ещё не было открыто для посетителей. Я отказала вам.

— Я не помню вас.

— Это неудивительно. Вы были заняты тем, чтобы убедить меня в срочности своего запроса.

В её голосе не было ни злости, ни любопытства. Только усталость человека, которому приходилось слишком часто объяснять, что чужая настойчивость не становится правом лишь оттого, что сопровождается хорошими намерениями.

Соня посмотрела на Льва, но он ничего не сказал.

— Что именно вы можете подтвердить? — спросила она Рудневу.

— Пока только то, что в регистрационном журнале действительно есть запись о выдаче дубликата. Она сделана раньше, чем появилось свидетельство, которое вы ищете. Если копия была изготовлена на основании этой записи, значит, кто-то располагал сведениями о письме задолго до того, как оно официально вернулось отправителю.

— Вы видели сам журнал?

— Да. И помню номер записи.

— Почему вы не сообщили об этом раньше?

Руднева крепче прижала папку к боку.

— Потому что тогда я не понимала, что именно произошло. А когда поняла, обнаружила, что исправить запись уже невозможно: оригинал страницы заменили.

Соня почувствовала, как холодеют пальцы.

— Вы утверждаете, что страницу заменили?

— Я утверждаю, что лист в переплёте не соответствует соседним листам. Бумага, клей, нумерация. Это можно проверить. Но я не знаю, кто произвёл замену и когда именно.

— А номер записи?

Руднева назвала его.

Соня достала из папки чистый листок и записала цифры. Лев молчал. В коридоре кто-то захлопнул дверь, и звук прокатился по пустому помещению, словно выстрел.

— Есть ещё одно обстоятельство, — сказала Руднева. — Дубликат выдавали не тому, кто значился получателем письма. В журнале стоит подпись представителя учреждения.

— Какого учреждения?

— Вот этого я вам пока не скажу.

— Почему?

— Потому что не уверена, что вы понимаете, с чем столкнулись. А если назову учреждение, вы начнёте искать виновного там, где пока есть только след.

Соня убрала листок в папку.

— Вы только что рассказали нам о заменённой странице и скрытом получателе. След уже есть. Вопрос в том, как его проверить.

Руднева кивнула, словно именно такой ответ и ожидала услышать.

— Приходите завтра к девяти. Я принесу свои старые рабочие записи. Не оригиналы журнала — они мне не принадлежат, и я не имею права выносить их из архива. Но у меня остались личные пометки, сделанные до того, как страницу заменили.

— Почему завтра?

— Потому что сегодня за мной уже следят. И потому что я не собираюсь проверять, насколько далеко они готовы зайти, ради вашего любопытства.

— Это не любопытство, — сказала Соня.

— Для тех, кто боится правды, разница несущественна.

Руднева направилась к выходу. Перед дверью она остановилась и добавила, не оборачиваясь:

— И ещё, Соня Орлова. Если кто-то предложит вам получить нужные сведения быстрее, чем положено, спросите, чьё согласие он уже использовал.

Дверь закрылась за ней негромко.

Некоторое время Соня и Лев стояли молча. За окном вода в канале была почти чёрной, хотя небо над городом уже посветлело. На стойке служащий складывал бланки в аккуратную стопку, и ни один из них не поднял головы.

— Ты знал, что Руднева здесь работает? — спросила Соня.

— Нет.

— Но знал, что она связана с архивом.

— Я помнил отказ. Не её лицо.

Соня не стала спорить. Она видела, что он говорит правду — по крайней мере, в этой части. Но правда о памяти не отвечала на вопрос, почему он снова оказался рядом с документами, связанными с чужой уязвимостью.

Она закрыла папку и убрала её в сумку.

Теперь у них было имя человека, готового подтвердить существование изменённой регистрационной записи, номер этой записи и обещание получить личные пометки. Но самое важное оставалось за пределами их знания: кто запросил дубликат, на каком основании и почему кто-то решил, что старое письмо опаснее, чем люди, которым оно могло изменить жизнь.

Соня направилась к выходу первой. Лев пошёл следом, не пытаясь её обогнать. Впервые за утро он не предложил ни решения, ни короткого пути.

До угла Соня дошла, не оглядываясь. Там остановилась у витрины закрытой булочной: стекло отражало улицу, и в нём было видно, что Лев по-прежнему держится в нескольких шагах.

— Ты собираешься идти за мной весь день? — спросила она, когда он поравнялся.

— Нет. Я собираюсь спросить, куда ты теперь.

— Домой. Мне нужно разобрать бумаги.

— Я могу помочь.

— Ты можешь сначала ответить на вопрос, который я задала.

Лев опустил глаза на мокрый тротуар. По краю бордюра тянулась тонкая струйка воды, унося к решётке жёлтый лист.

— В архиве я однажды попросил показать мне запись, которую не имел права видеть, — сказал он. — Не Рудневу. Другого человека. Я решил, что дело срочное и что потом объясню. Потом не пришлось объяснять: отказали. Но человек, которого я попросил, получил выговор за то, что вообще выслушал меня.

— Ты сказал об этом тогда?

— Нет.

Соня прищурилась. Не от недоверия к словам — от того, что пыталась понять, где в них заканчивается признание и начинается просьба о снисхождении.

— Ты хотел добыть чужие сведения ради дела?

— Да.

— И сейчас предлагаешь помощь, потому что хочешь исправить ту ошибку?

— Не только. Я считаю, что могу быть полезен. Но если ты спрашиваешь, не пытаюсь ли я заодно заслужить доверие... — Он помолчал. — Пытаюсь. Было бы нечестно отрицать.

Соня отвернулась к витрине. На полках за стеклом темнели пустые противни, вымытые до блеска. В отражении Лев выглядел усталым и старше, чем утром.

— Мне не нужен человек, который заранее решает, чем можно пожертвовать ради правильного результата, — сказала она. — Даже если он уверен, что результат правильный.

— Я знаю.

— Нет. Пока только слышал.

Он не стал спорить. Это было лучше любого обещания, но не отменяло сделанного.

Соня пошла дальше. До дома на Маячной они дошли порознь: она села в трамвай, а Лев остался на остановке. Когда вагон тронулся, она увидела его в запотевшем стекле. Он не поднял руку и не стал просить, чтобы она подождала.

В комнате на чердаке всё выглядело так, как она оставила: папки у стены, коробка с бумагами на столе, старый фонарь под полотняным чехлом. От сырости в деревянных балках тянуло холодом. Соня сняла пальто и развязала тесёмки на папке, которую принесла из архива.

Она выписала на отдельный лист номер регистрационной записи, имя Рудневой и то, что та действительно подтвердила: страницу заменили; в старом журнале существовала отметка о выдаче дубликата; получателем в записи значилось не то лицо, которое должно было получить письмо. Всё остальное пока оставалось словами Рудневой.

Соня подчеркнула дату, указанную на копии свидетельства, принесённой Левом. В тот день, согласно документу, Лунёва находилась в городе. А по другим сведениям — в другом месте. Одно из этих объяснений должно было быть неверным. Но они пока не знали, какое именно.

На дне папки лежало наследственное уведомление с нотариальной печатью. Соня достала его и расправила сгибы. Внизу, рядом с датой регистрации наследства, стояла отметка о предыдущем обращении к нотариусу: запрос на ознакомление с описью комнаты на чердаке. Запрос был сделан за неделю до того, как Соня узнала о доме.

Она проверила номер дела, затем сверилась с листком, на котором утром записала сведения от нотариуса. Номер совпадал.

Соня долго смотрела на эту строчку. Она доказывала лишь то, что кто-то интересовался описью заранее. Ни имени, ни подписи заявителя в копии не было. Но неизвестный не просто следил за её шагами теперь — он знал о наследстве ещё до того, как оно стало её делом.

Соня положила уведомление рядом с письмом и позвонила нотариусу.

— Мне нужна заверенная копия запроса на ознакомление с описью, который зарегистрирован под номером семьдесят два, — сказала она, когда он ответил. — И сведения о том, кто его подавал. Я не прошу сообщать их по телефону. Подготовьте документы к завтрашнему утру.

— Это не входит в обычное оформление наследства.

— Понимаю. Тогда оформите мой запрос письменно. Я зайду до архива.

Она записала время и завершила разговор. Позднее идти не имело смысла: канцелярия скоро закрывалась, а самовольное появление могло только дать кому-то повод отказать от разговора.

В дверь постучали дважды. Соня замерла, потом подошла и посмотрела в глазок. На площадке стоял Лев. В руках у него была тонкая папка.

Она открыла дверь, оставив цепочку на месте.

— Я не прошу заходить, — сказал он. — Это копия моего старого заявления в архив. Я нашёл её дома. Там указана дата и фамилия сотрудника, которому я передавал запрос. Может, пригодится для проверки того, что я тебе рассказал.

— Почему не принёс завтра?

— Потому что ты должна решить, нужна ли тебе эта бумага. Если оставляю её сейчас, не буду считать, что ты обязана продолжать разговор.

Соня сняла цепочку, но не отступила.

— Дай мне посмотреть.

Лев просунул папку в щель. Она взяла её и закрыла дверь. На копии стоял входящий номер и дата. Запрос касался архивной записи о возврате письма, но фамилия адресата была закрыта чёрной полосой. Внизу имелась пометка: «В выдаче сведений отказано. Основание: отсутствие полномочий».

— Ты просил доступ к этой записи до того, как пришёл к нотариусу, — сказала Соня, снова открыв дверь.

— Да.

— Почему?

— Я уже объяснил: думал, что это связано с отказом, который получил раньше. Я не знал про наследство и не знал, кто такой Матвей.

Это могло быть правдой. Бумага подтверждала, что Лев действительно обращался за сведениями; отказ был оформлен официально. Но она не объясняла, почему он продолжал искать ответ и почему выбрал именно эту запись.

Соня вернула ему папку.

— Завтра не приходи к архиву, пока я сама тебя не позову.

Он принял её обеими руками.

— Хорошо.

— И не связывайся с Рудневой.

— Не буду.

Лев задержался на пороге, словно хотел добавить ещё что-то, но передумал. Соня закрыла дверь и поставила защёлку.

До назначенной встречи оставалось меньше суток. У неё была официально подтверждённая дата запроса, номер регистрации и документ, который показывал: Лев искал запись ещё

до того, как оказался рядом с ней. Его признание не делало поступок правильным, а отказ в доступе не превращал поиск в преступление. Но теперь Соня знала, что завтра ей придётся проверять не только слова Рудневой. Ей предстояло выяснить, какая именно фамилия скрывалась под чёрной полосой — и почему человек, не имевший права получить старое письмо, всё-таки добрался до его дубликата.

Утром архив открылся на десять минут раньше, чем было указано на двери. Соня заметила это случайно: пожилая уборщица отперла боковой вход, пропустила внутрь мужчину с коробкой документов и снова придержала дверь, когда увидела её у ступеней.

— Посетители с улицы через главный, — сказала она.

— Мне назначили время.

Соня показала письмо из канцелярии. Уборщица прочитала его, недовольно поджала губы и пропустила её в коридор, где пахло пылью, известкой и влажной бумагой.

Вчерашний разговор по телефону оставил после себя неприятную ясность: архив не отказывался искать запись, но и не собирался облегчать ей работу. Запрос следовало оформить лично, объяснить основание доступа, дожидаться решения заведующей. Всё было законно, последовательно и медленно — как раз настолько, чтобы за это время нужная бумага могла исчезнуть не физически, а из чужой памяти.

В приёмной за стеклом сидела женщина лет пятидесяти с короткими седыми волосами. На её столе лежала стопка заявлений и чашка с остывшим чаем.

— Орлова? — спросила она, сверяясь с листом. — По наследственному делу?

— Да.

— Вы запрашиваете регистрационную книгу возвратов почтовых отправлений за май две тысячи восьмого года.

— И сведения о том, кто получил копию записи по запросу Данилова Льва Андреевича. Женщина подняла взгляд.

— Второй пункт к наследству отношения не имеет.

— Имеет к записи, которую я запрашиваю.

— Это ещё нужно доказать.

— Поэтому я и пришла.

Женщина взяла её заявление, перечитала, поставила рядом карандаш и несколько секунд смотрела на дату.

— Вы понимаете, что архивная запись может содержать персональные данные?

— Понимаю.

— Тогда укажите, каким образом вы связаны с адресатом письма.

Соня положила на стол копию свидетельства о праве на наследство. Женщина изучила документ, затем перевела взгляд на неё.

— Наследство от Лидии Михайловны Орловой?

— Да.

— А отправитель письма?

— Пока неизвестен.

— Очень удобно.

Соня не стала отвечать на интонацию. Она достала старое письмо, но не выпустила его из рук.

— Мне нужно установить, связано ли оно с регистрационной записью. Я не прошу выдать мне чужой адрес или содержание корреспонденции.

— Вы просите показать подпись.

— И дату. Возможно, отметку о причине возврата.

Женщина снова посмотрела на свидетельство.

— Подождите в читальном зале.

Зал оказался длинным и холодным. На стенах висели планы Серебряной Гавани, составленные в разные годы: город менял очертания, исчезали склады, появлялись причалы, но линия старого канала оставалась почти неизменной. Соня села у окна. За стеклом серое утро уже набирало силу, и вода между домами казалась не серебряной, а свинцовой.

Через двадцать минут к ней подошла та же женщина.

— Мы вчера уже познакомились, — сказала Руднева, заведующая отделом регистрации. — Вы хотели знать, кто работал с книгой?

Соня медленно поднялась.

— Да.

Руднева села напротив, не снимая пальто.

— Сначала я должна сказать: запись о возврате письма существует. Но она не подтверждает вашу версию.

— Какую именно?

— Что письмо вернули из-за ошибки адреса.

— Это не моя версия. Так мне объяснили.

— В архивах часто объясняют то, чего не написано.

Руднева положила на стол тонкую серую папку. На обложке стоял инвентарный номер и дата.

— Вы пришли вчера вместе с Львом Даниловым, — напомнила Руднева. — Он также приходил сюда два месяца назад. Запрос оформлен правильно, но доступ ему не предоставили.

— Я видела копию его заявления.

— Тогда вы видели не всё.

Руднева открыла папку. Внутри лежал журнал выдачи дел, прошитый толстой нитью. Рядом — лист с отметками о работе сотрудников.

— Смотрите внимательно, — сказала она. — Не фотографируйте.

Соня наклонилась над страницей. В строке, относящейся к нужной книге, стояла дата: двадцать третье мая. В графе «выдано» — кабинет тринадцать. В графе «получатель» — инициалы, а не фамилия. Рядом темнела подпись.

Соня узнала её не сразу. Она видела эту подпись на копии заявления Льва — внизу, под отказом. Та же резкая первая буква, тот же длинный росчерк, уходящий под строку.

— Данилов получил книгу, — сказала она.

— Нет. Он получил отказ.

— Но подпись его.

— Подпись сотрудника, который выдал книгу в кабинет тринадцать.

— Кто работал в кабинете тринадцать?

— В тот день — я.

Соня подняла глаза.

Руднева выдержала её взгляд спокойно, почти устало.

— Вы говорите, что не выдавали ему сведения.

— Я не выдавала их Данилову.

— Тогда кому?

— Вот это и есть причина, по которой я согласилась на встречу.

Руднева закрыла журнал выдачи архивных дел и достала отдельную книгу регистрации почтовых отправок. На другой странице стояла отметка о возврате письма. Дата совпадала с датой, указанной на копии старого свидетельства. В графе причины возврата не было привычного «адресат не найден». Там значилось: «Получатель отказался подтвердить личность. Документ возвращён отправителю по распоряжению отдела».

Соня почувствовала, как холод из окна добрался до пальцев.

— Получатель отказался подтвердить личность? — переспросила она.

— Именно.

— Но письмо было отправлено на имя Лидии Орловой.

— В книге так не написано.

Руднева пододвинула к ней отдельный лист — выписку из регистрационной карточки. Фамилия получателя была закрыта серой полосой, но под ней просматривались следы подчистки.

— Почему фамилия закрыта?

— Я не закрывала.

— А кто?

— Не знаю.

Ответ прозвучал слишком быстро. Соня посмотрела на край листа. Серая полоса лежала поверх старой печати, но не скрывала её полностью. В углу сохранился фрагмент цифры и две буквы: «...на».

— Вы сказали, что запись не подтверждает мою версию. Но она подтверждает другое: письмо не вернули по обычной причине.

— Да.

— И вы знали об этом раньше.

Руднева сжала губы.

— Знала, что книга выдавалась. Не знала, кто изменил карточку.

— А Лев знал?

— Возможно.

— Он просил именно эту запись.

— Он просил доступ к книге и назвал фамилию, которой там уже не было.

У Сони пересохло во рту.

— Какую фамилию?

Руднева долго молчала. Потом достала из папки копию старого сопроводительного листа. Бумага была пожелтевшей, но строка читалась отчётливо.

— Данилова, — сказала она. — Андрей Данилов.

Соня не сразу поняла смысл.

— Отец Льва?

— Насколько мне известно.

Внутри всё свело коротким, болезненным напряжением. Лев говорил, что искал запись из-за отказа, который получил раньше. Он не сказал, что искал письмо, отправленное его отцу. Не сказал, что фамилия скрыта не случайно. И всё же его заявление теперь выглядело не попыткой проникнуть в чужую историю, а частью собственной.

— Почему вы не сообщили ему?

— Потому что он не имел полномочий. А после того, как он начал задавать вопросы о карточке, мне рекомендовали не обсуждать с ним архивные материалы.

— Кто рекомендовал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.